

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-117-128
EDN: USAVBF

ВЛИЯНИЕ «ПРОСТРАНСТВЕННОГО СЖАТИЯ» НА УРОВЕНЬ ЖИЗНИ: АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНЫХ ДИСПРОПОРЦИЙ

Дохолян С. В. *, Вершинина М. А.

ИСЭПН ФНИСЦ РАН

(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

*E-mail: sergsvd@mail.ru

Для цитирования:

Дохолян С. В., Вершинина М. А. Влияние «пространственного сжатия» на уровень жизни: анализ региональных диспропорций. — 2025. — Т. 28. — № 4. — С. 117-128. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-117-128; EDN: USAVBF

Аннотация. В статье исследуется феномен «пространственного сжатия» и его воздействие на региональные диспропорции в уровне жизни населения России. Проблема нарастающей региональной дифференциации уровня жизни является одним из вызовов для современной России. Феномен «пространственного сжатия», вместо того чтобы выравнивать возможности, парадоксальным образом усиливает поляризацию, концентрируя капитал и ресурсы в нескольких агломерациях. Это приводит к стагнации общероссийского уровня жизни и создаёт угрозы для социальной стабильности и единства страны. Цель исследования — провести комплексный анализ глубины и выявить ключевые факторы региональных диспропорций в уровне жизни населения РФ за период 2014–2024 гг., а также проверить гипотезу о том, что основной вклад в это неравенство вносит упадок экономик периферийных территорий. В исследовании используется комплексный подход, сочетающий общенаучные принципы с конкретными статистическими методами (сравнительного и статистического анализа, метод кейс-стади), проводился кластерный анализ (метод k-средних) и осуществлялось эконометрическое моделирование (множественная регрессия на панельных данных). Проведённое исследование подтверждает, что «пространственное сжатие» в российских условиях ведёт к углублению социально-экономического неравенства и существующая модель пространственного развития исчерпала себя. Преодоление негативных тенденций требует перехода к новой, более сбалансированной модели пространственного развития, ориентированной на раскрытие внутреннего потенциала каждого региона и создание равных возможностей для их жителей. Необходим переход от политики «выравнивания» к стратегии стимулирования внутреннего потенциала регионов, основанной на «умной специализации» и развитии инфраструктуры.

Ключевые слова: региональная дифференциация, уровень жизни, пространственное сжатие, поляризация пространства, региональные диспропорции, периферийные территории.

Постановка проблемы

Проблема неравномерного пространственного развития и нарастающих региональных диспропорций является одной из наиболее острых для современной России. Концентрация экономической активности, человеческого капитала и финансовых потоков в ограниченном числе крупных агломераций приводит к эффекту «пространственного сжатия», когда периферийные территории оказываются в состоянии экономической депрессии и социальной деградации. Этот процесс напрямую влияет на уровень и качество жизни миллионов граждан, создавая угрозы для национальной безопасности и социальной стабильности. Данная статья направлена на анализ глубины этих диспропорций и выявление факторов, их определяющих, для разработки предложений по корректировке региональной политики.

Термин «пространственное сжатие» (space-time compression), введённый Д. Харви, описывает ускорение темпов жизни и сокращение пространственных барьеров за счёт прогресса в транспорте и коммуникациях. Но этот процесс имеет обратную сторону — усиливает поляризацию пространства. Центры, интегрированные в глобальные потоки, получают импульс к развитию, в то время как периферия, не обладающая необходимыми ресурсами и инфраструктурой, оказывается в изоляции. Н. В. Зубаревич в своей модели «четырёх России» показывает, как страна разделена на постиндустриальные центры, промышленные регионы, аграрный юг и депрессивные территории, между которыми нарастает разрыв¹. П. А. Минакир в [1] отмечает, что экономическое пространство России крайне неоднородно, и попытку его «сжать» без учёта этой специфики приводят лишь к усилению центрально-периферийных контрастов. По его мнению, государственная политика часто игнорирует внутренние импульсы развития регионов, делая ставку на внеш-

ние инвестиции, которые концентрируются в уже развитых точках.

Различия в уровне жизни между регионами обусловлены комплексом взаимосвязанных факторов. В работе [2] подчёркивается, что ключевую роль играет структура экономики региона. Регионы с диверсифицированной экономикой, высоким уровнем инновационной активности и развитым сектором услуг демонстрируют более высокие показатели доходов и занятости. В то же время монопрофильные территории, зависящие от одного-двух крупных предприятий, оказываются крайне уязвимыми перед лицом экономических шоков. В. Н. Бобков, Е. В. Одинцова и В. В. Коваленко [3] в своих работах акцентируют внимание на качестве и доступности рабочих мест. Они утверждают, что в регионах-аутсайдерах преобладает «неустойчивая занятость» с низкими заработками и отсутствием социальных гарантий, что напрямую ведёт к росту бедности и социального неблагополучия. А. В. Минаков и Т. Н. Агапова указывают в [4] на значимость бюджетной обеспеченности. Регионы с низкой собственной доходной базой не способны в полной мере финансировать социальную сферу — здравоохранение, образование, культуру, что снижает качество человеческого капитала и консервирует отсталость.

К другим важным факторам исследователи относят: 1) инвестиционную привлекательность — регионы, способные привлечь частные и государственные инвестиции, получают ресурсы для модернизации инфраструктуры и создания новых производств [5]; 2) демографические процессы — отток молодого и квалифицированного населения с периферии в центры («утечка мозгов») обескровливает экономику отстающих регионов [6]; 3) инфраструктурную обеспеченность — доступность качественных дорог, современного транспорта, цифровых сетей является необходимым условием для экономического роста [7]. В работе [8] особое внимание уделяется вопросам продовольственной безопасности и развитию агропромышленного комплекса как основы устойчивости сельских террито-

¹ Зубаревич Н. В. Четыре России и новая политическая реальность // Полит.ру. — https://web.archive.org/web/20201108090938/https://polit.ru/article/2016/01/17/four_russians/ (дата обращения: 10.05.2025).

рий, доказывается, что деградация села — это не только экономическая, но и стратегическая проблема, подрывающая основы национальной безопасности. В работе [9] анализируются социально-экономические проблемы развития региональных систем, указывается на необходимость системного подхода к управлению, который бы учитывал уникальные особенности каждого субъекта.

Многие авторы сходятся во мнении, что текущая региональная политика носит преимущественно компенсаторный характер (трансферты, субсидии) и не решает структурных проблем [10; 11]. В.П. Орешин призывает в [12] к переходу от политики «выравнивания» к «поляризованному» развитию, стимулирующему точки роста, которые могли бы стать локомотивами для окружающих территорий. В то же время Е.Л. Плисецкий в [13] предостерегает от чрезмерной концентрации ресурсов, которая может окончательно «обезлюдить» огромные пространства страны. В.В. Акбердина и О.А. Романова в [14] и А.Г. Аганбегян в [15] подчёркивают необходимость новой индустриализации и развития высокотехнологичных отраслей в регионах как единственного способа преодолеть сырьевую зависимость и обеспечить качественный экономический рост.

Эмпирический анализ региональных диспропорций.

Для проверки выдвинутой гипотезы был проведён анализ данных Росстата и других открытых источников за 2014–2024 гг. по субъектам РФ. Ключевыми индикаторами уровня жизни были выбраны: среднедушевые денежные доходы населения, (рублей в месяц); уровень бедности (доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, %); коэффициент Джини (индекс концентрации доходов); уровень безработицы (по методологии МОТ, %); обеспеченность населения врачами, на 10 тыс. человек населения; доля ВРП, приходящаяся на сектор услуг и высокотехнологичные отрасли, (%); объем инвестиций в ос-

новной капитал на душу населения, (рублей). На основе этих показателей был проведён кластерный анализ методом k-средних для группировки регионов со схожими социально-экономическими характеристиками. В табл. 1 — обобщённые данные, иллюстрирующие глубину региональных различий.

Группа регионы-лидеры (топ-10) почти всегда состоит из двух столиц и ведущих ресурсодобывающих автономий, где доходы населения значительно выше среднероссийских: Чукотский АО, Ямало-Ненецкий АО (ЯНАО), Москва, Ненецкий АО (НАО), Ханты-Мансийский АО — Югра (ХМАО), Сахалинская область, Магаданская область, Санкт-Петербург, Московская область, Мурманская область. Регионы-середняки — самая разнообразная группа, в которую входят большинство промышленно развитых регионов, а также области с развитым агропромышленным комплексом. Их показатели находятся вблизи среднероссийских значений. В качестве примера приведём следующие регионы: Республика Татарстан, Свердловская область, Самарская область, Нижегородская область, Краснодарский край, Новосибирская область, Ленинградская область, Белгородская область, Пермский край, Красноярский край. В группу регионов-аутсайдеров (нижние 10) стабильно входят республики Северного Кавказа и Южной Сибири, характеризующиеся самой низкой бюджетной обеспеченностью, высоким уровнем безработицы и, как следствие, самыми низкими доходами населения: республики Ингушетия, Тыва, Карачаево-Черкесская, Алтай, Калмыкия, Кабардино-Балкарская, Марий Эл, Северная Осетия — Алания, Чеченская, а также Алтайский край.

Данные табл. 1 количественно измеряют разницу, разделяющую благополучные и депрессивные регионы страны по ключевым индикаторам качества жизни. Во-первых, значительный разрыв в доходах. Самый очевидный показатель — разница в среднедушевых доходах. Житель региона-лидера в среднем получает в 3,7 раза больше, чем житель региона-аутсайдера. Это

Таблица 1

Дифференциация субъектов РФ по основным показателям уровня жизни (средние значения по группам регионов, 2023 г.)

Table 1

Differentiation of the subjects of the Russian Federation by main indicators of the living standards (average values by region groups, 2023)

Группа регионов	Среднедушевые доходы, рублей	Уровень бедности, %	Коэффициент Джини	Уровень безработицы, %	Обеспеченность врачами, на 10 тыс. человек
Регионы-лидеры (Топ-10)	95400	5,8	0,415	2,5	65,2
Регионы-середняки	42100	11,2	0.380	4,1	43,8
Регионы-аутсайдеры (Нижние-10)	25600	21,5	0,355	9,8	31,4
Отношение лидеры / аутсайдеры	3,7 раза	3,7 раза	-	3,9 раза	2,1 раза

Источник: расчёты авторов на основе данных Росстата.

не просто разница, это жизнь в совершенно разных экономических реальностях. Во-вторых, уровень бедности демонстрирует ту же пропорцию — 3,7 раза. В регионах-аутсайдерах за чертой бедности живёт почти каждый четвёртый житель (21,5%), в то время как в регионах-лидерах — лишь каждый двадцатый (5,8%). Это прямое следствие отсутствия высокооплачиваемых рабочих мест на периферии. В-третьи, важно отметить, что коэффициент Джини, показывающий внутреннее неравенство, выше всего в богатых регионах (0,415). Это ключевой момент, который означает, что в регионах-лидерах наряду с очень богатыми людьми есть и слои населения со средними и даже низкими доходами. В бедных же регионах коэффициент Джини ниже (0,355), что свидетельствует о так называемом «равенстве в бедности» — там нет большого разрыва между людьми, потому что большинство населения имеет стабильно низкие доходы. В-четвертых, разрыв в занятости — уровень безработицы в аутсайдерах почти в 4 раза выше, чем в лидерах. Это говорит о том, что в отстающих регионах проблема не только в низкой оплате труда, но и в физическом отсутствии рабочих мест. И наконец, в-пятых, неравенство в доступе к базовым благам. Разрыв в обеспеченности врачами (в 2,1 раза) показывает, что дис-

пропорции выходят далеко за рамки «кошелька». Это неравенство в качестве жизни, в доступе к качественной медицине: жители депрессивных регионов не только беднее, они имеют худший доступ к базовой социальной инфраструктуре.

Данные табл. 1 наглядно демонстрируют, что проблема региональных диспропорций — это измеримая реальность, которая проявляется в различных аспектах жизни граждан: от доходов и работы до здоровья. Этот статический срез создаёт основу для дальнейшего анализа причин (табл. 2) и динамики (табл. 3) этих диспропорций. Табл. 2 раскрывает структурные причины разрыва в уровне жизни между регионами России. Анализ показывает, что дело не просто в количестве денег, а в том, как и на чём регионы их зарабатывают.

Богатство в России имеет два источника: либо добыча сырья, либо развитый сектор услуг и технологий. Группа с высокими доходами имеет максимальные показатели именно в этих двух сферах. Классическая промышленность не гарантирует лидерства: регионы-середняки, являясь промышленным ядром страны (максимальная доля обрабатывающих производств — 18,7%), не могут догнать лидеров по уровню доходов. Существует разрыв в инвестиционной привлекательности регионов. Лидеры полу-

Таблица 2

Структура ВРП и инвестиционная активность в регионах с разным уровнем доходов (2023 г.)

Table 2

GRP structure and investment activity in regions with different income levels (2023)

Группа регионов (по уровню доходов)	Доля добычи полезных ископаемых в ВРП, %	Доля обрабатывающих производств в ВРП, %	Доля высокотехнологичных отраслей и услуг в ВРП, %	Инвестиции на душу населения, тыс. рублей
Высокие доходы	25,1	12,5	45,3	480,5
Средние доходы	8,9	18,7	38,1	195,2
Низкие доходы	3,2	14,3	31,5	110,8

Источник: расчёты авторов на основе данных Росстата.

чают в 4,3 раза больше инвестиций на душу населения, чем аутсайдеры. Это создаёт «эффект колеи», где «богатые» регионы получают ресурсы для дальнейшего роста, а «бедные» остаются в «инвестиционной пустыне». У «бедных» регионов нет экономического «двигателя». Их экономическая структура размыта: низкая доля и добычи, и обработки, и современных услуг. Это говорит об отсутствии явной специализации и точек роста.

Проводя анализ по группам регионов, можно сделать следующие выводы: 1) группа «высокие доходы» (регионы-лидеры): Эта группа демонстрирует «двухкомпонентную модель» успеха. С одной стороны, это сырьевые гиганты (как ЯНАО и ХМАО), где большая доля ВРП (около 25%) формируется за счёт добычи полезных ископаемых. С другой стороны, это постиндустриальные центры (как Москва), где доминирует сектор услуг, финансов и технологий (доля 45,3%). Заоблачный уровень инвестиций (480,5 тыс. рублей) является и причиной, и следствием их богатства, позволяя реализовывать мегапроекты и притягивать лучший человеческий капитал; 2) группа «средние доходы» (регионы-середняки): это «промышленный костяк» России. Их сила — в обрабатывающих производствах (заводы, фабрики), которые дают стабильную занятость и доходы. Однако этот сектор часто сталкивается с необходимостью модерни-

зации и высокой конкуренцией, что не позволяет выйти на уровень доходов сырьевых или столичных регионов. Уровень инвестиций здесь в 2,5 раза ниже, чем у лидеров, что ограничивает возможности для качественного скачка; 3) группа «низкие доходы» (регионы-аутсайдеры) — это регионы со слабовыраженной экономической структурой. У них нет ни значимых запасов сырья (3,2% ВРП), ни мощной промышленности, ни развитого сектора услуг. Их экономика часто держится на сельском хозяйстве (которое не отражено в таблице, но подразумевается) и дотациях из федерального бюджета. Критически низкий уровень инвестиций консервирует их отсталость, не давая шансов на модернизацию и создание новых, хорошо оплачиваемых рабочих мест.

Данные табл. 2 являются доказательством гипотезы о влиянии «пространственного сжатия». Она наглядно показывает, как экономическая деятельность и, что важнее, инвестиционный капитал «сжимаются» в нескольких центрах, оставляя периферию без ресурсов. Деградация экономик малых городов и сельской местности (которые составляют основу большинства регионов-аутсайдеров) напрямую видна в их слабой и однобокой структуре ВРП. Они не могут предложить инвесторам ни сырьё, ни крупные рынки сбыта, ни квалифицированную рабочую силу, попадая в замкнутый круг отсталости. Таким образом, эта табли-

ца объясняет, почему разрыв в доходах, показанный в табл. 1, не только существует, но и имеет предпосылки для дальнейшего роста (табл. 3).

Данные табл. 3 являются доказательствами основной гипотезы исследования, которая не просто показывает статический срез неравенства, а демонстрирует его рост во времени. Если табл. 1 показала, насколько велик разрыв, а табл. 2 — почему он существует, то табл. 3 доказывает, что ситуация системно ухудшается. Данная таблица показывает, что, во-первых, неравенство растёт без остановок. Главный показатель — коэффициент фондов (отношение доходов) — постоянно увеличивался с 3,05 в 2014 г. до 3,77 в 2024 году. Это означает, что десять лет назад самые богатые регионы

были богаче самых бедных в 3 раза, а сегодня — уже почти в 4 раза. Во-вторых, богатые богатеют быстрее бедных. На первый взгляд, доходы растут у всех. Однако, за 10 лет среднедушевой доход в богатых регионах вырос на 47100 рублей, в то время как в бедных — всего на 9000 рублей. Абсолютный разрыв в доходах за это время увеличился с 37100 рублей до 75200 рублей, то есть более чем в два раза. В-третьих, политика «сглаживания» не работает. Данные наглядно показывают, что существующие механизмы перераспределения средств (дотации, субвенции) не способны переломить тенденцию. Они могут поддерживать минимальный уровень жизни в отстающих регионах, но не создают условий для их опережающего развития и сокращения разрыва.

Таблица 3

Динамика разрыва в среднедушевых доходах населения между 10% самых богатых и 10% самых бедных регионов РФ (2014–2024 гг.)

Table 3

Dynamics of the gap in average per capita income between the richest 10% and the poorest 10% of the Russian Federation regions (2014–2024)

Год	Средний доход в 10% «богатых» регионов, рублей	Средний доход в 10% «бедных» регионов, рублей	Коэффициент фондов (отношение)
2014	55200	18100	3,05
2016	61500	19800	3,11
2018	68900	21400	3,22
2020	75100	22500	3,34
2022	88400	24900	3,55
2024 (оценка)	102300	27100	3,77

Источник: расчёты авторов на основе данных Росстата.

Табл. 3 — это иллюстрация того, как работает «пространственное сжатие» на практике. Экономическая энергия и финансовые потоки концентрируются в регионах-лидерах, создавая эффект «воронки», которая ускоряет их рост. В это же время периферия, лишённая инвестиций и человеческого капитала, в лучшем случае стагнирует, а в относительном выражении — деградирует. Таким образом, динамика, представленная в табл. 3, — это оценка существующей модели пространственного развития, которая доказывает, что без кардинально-

го изменения региональной политики, направленной на создание реальных источников роста на периферии, социальная и экономическая пропасть между регионами России будет углубляться, что несёт прямые риски для целостности и стабильности страны.

Основные выводы и обсуждение результатов

Настоящее исследование показывает, что существующие подходы обладают сле-

дующими ограничениями. Многие авторы сходятся во мнении, что текущая региональная политика носит преимущественно компенсаторный характер (через трансферты и субсидии) и не решает структурных проблем. Это ограничивает эффективность предложенных решений, поскольку они направлены на сглаживание, а не на устранение первопричин отставания. В работах отмечается, что государственная политика часто игнорирует внутренние импульсы развития регионов, делая ставку на внешние инвестиции, которые, в свою очередь, концентрируются в уже развитых точках (агломерациях). Такое ограничение не позволяет регионам-аутсайдерам использовать свой потенциал. В противовес политике «выравнивания», некоторые авторы призывают к «поляризованному» развитию, стимулирующему точки роста. Однако чрезмерная концентрация ресурсов может окончательно «обезлюдить» огромные пространства страны и усугубить эффект «пространственного сжатия», который уже наблюдается.

Различные исследования акцентируют внимание на отдельных, хотя и важных, факторах, определяющих уровень жизни, что может ограничивать комплексность картины: подчёркивают ключевую роль структуры экономики; фокусируются на неустойчивой занятости с низкими заработками; указывают на значимость бюджетной обеспеченности регионов. Авторы данной статьи, используя кластерный анализ и эконометрическое моделирование, пытаются преодолеть эти ограничения, комплексно связывая структурные факторы (добыча сырья, услуги) с инвестициями и динамикой доходов.

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы: 1) стагнация среднего уровня жизни в РФ действительно во многом является следствием углубляющегося разрыва между несколькими центрами роста и обширной периферией; 2) различия в уровне жизни обусловлены не временной конъюнктурой, а фундаментальными различиями в структуре экономики, инвестиционной привлекательности и качестве че-

ловеческого капитала; 3) политика «выравнивания» через бюджетные трансферты помогает решать текущие проблемы сбалансированности бюджетов, но не устраняет первопричины отставания.

Результаты проведённого анализа иллюстрируют парадокс «пространственного сжатия» в российских условиях. С одной стороны, развитие технологий и транспортных сетей должно «сжимать» пространство, делая его более однородным и доступным. На практике же мы наблюдаем обратный эффект: усиление поляризации. Экономическое пространство не сжимается равномерно, а скорее «схлопывается» вокруг нескольких точек-агломераций, высасывая ресурсы и человеческий капитал с обширной периферии. Наши кластеры и эконометрическая модель подтверждают выводы ведущих отечественных экономико-географов о резком контрасте между кластерами «федеральных центров» и «депрессивных регионов». Выявленная сильная положительная связь между доходами и инвестициями, а также структурой ВРП (в пользу сырьевого или постиндустриального сектора) доказывает, что в России работает механизм «богатые становятся богаче».

Ключевым элементом обсуждения является деградация периферийных территорий. Именно они оказываются в основном проигрыше. Не обладая столичным административным ресурсом или сырьевыми сверхдоходами, они теряют свою промышленную базу, а вместе с ней — рабочие места и основу для существования. Это запускает цепную реакцию: отток молодёжи, старение населения, упадок социальной сферы, что делает эти территории ещё менее привлекательными для жизни и инвестиций. Таким образом, стагнация общероссийского уровня жизни — это не статистический феномен, а следствие угасания сотен локальных экономик.

Рост центральных регионов, таких как Москва, не является линейным. Он подчиняется законам агломерационного эффекта, где концентрация фирм и квалифицированных кадров создаёт положительные экстерналии (внешние эффекты): возника-

ет более плотный рынок труда, ускоряется обмен знаниями, снижаются транзакционные издержки. Это делает агломерацию ещё более привлекательной, запуская новый виток притяжения ресурсов. Фактически, мы наблюдаем создание «гравитационной воронки», которая активно «высасывает» самый ценный ресурс — человеческий капитал — из остальной страны, обрекая периферию на долгосрочное отставание.

Данные таблиц 1, 2, 3 подтверждают гипотезу: разрыв между полюсами социально-экономического развития не только велик, но и имеет тенденцию к нарастанию. Глубокое экономическое расслоение пространства имеет далеко идущие неэкономические последствия. Оно подрывает социальное доверие и чувство национальной общности, формируя у жителей разных регионов ощущение жизни в «разных странах». Это создаёт риски для политической стабильности, питая региональный эгоизм у «доноров» и иждивенческие настроения у реципиентов.

На основе проведённого исследования выработаны следующие рекомендации по совершенствованию государственной политики: 1) переход к «умной специализации». Вместо универсальных мер поддержки необходимо стимулировать регионы к поиску и развитию локальных конкурентных преимуществ. Для одного региона это может быть туризм, для другого — глубокая переработка сельхозпродукции, для третьего — IT-кластер; 2) программа развития малых и средних городов (которые составляют основу большинства регионов-аутсайдеров). Необходима отдельная федеральная программа, направленная на диверсификацию экономики моногородов, поддержку местного предпринимательства, создание комфортной городской среды и модернизацию социальной инфраструктуры. Это позволит замедлить отток населения в агломерации; 3) инфраструктурная связность. Приоритетное развитие транспортных коридоров «Запад-Восток» и «Север-Юг», а также цифровой инфраструктуры (высокоскоростной интернет) на периферии. Это базовое условие для

преодоления пространственной изоляции и включения отстающих регионов в экономическую жизнь страны; 4) корректировка межбюджетных отношений. Необходимо создать стимулы для регионов к наращиванию собственной налоговой базы²; 5) адресная поддержка человеческого капитала: запуск программ по привлечению и удержанию квалифицированных специалистов (врачей, учителей, инженеров) в отстающих регионах через предоставление жилья, повышенных зарплат и грантов на развитие («Земский доктор 2.0»). Реализация этих мер позволит перейти от простого сглаживания неравенства к созданию реальных источников внутреннего роста на всей территории страны, тем самым противодействуя негативным последствиям «пространственного сжатия».

Результаты проведённого анализа глубины и ключевых факторов региональных диспропорций в уровне жизни (2014–2024 гг.) могут быть использованы органами государственной власти (федеральными и региональными) для кардинальной корректировки региональной и пространственной политики при разработке новой модели пространственного развития, реализация целевых программ, корректировка межбюджетных отношений. Результаты могут также служить основой для углублённого анализа механизмов концентрации капитала и человеческих ресурсов, а также для исследования долгосрочных неэкономических последствий расслоения пространства, таких как снижение социального доверия и угроза национальной целостности.

* * *

Проблема нарастающих региональных диспропорций и негативных последствий «пространственного сжатия» является одним из центральных вызовов для долгосрочного устойчивого развития России. Проведённое исследование, основанное на сочетании теоретического анализа,

² Например, можно оставлять в региональных бюджетах большую долю собираемых федеральных налогов, увязав это с достижением конкретных KPI по росту инвестиций и созданию качественных рабочих мест

кластеризации и эконометрического моделирования за период 2014–2024 гг., подтверждает гипотезу: стагнация среднего уровня жизни в стране и усугубление неравенства напрямую связаны с системной деградацией экономик малых и средних городов и сельских территорий. Экономическое пространство России представляет собой «архипелаг» из нескольких процветающих «островов» (столичные агломерации и сырьевые экспортёры) в «океане» стагнирующей или деградирующей периферии. Этот разрыв носит не случайный, а структурный характер, поддерживаемый самовоспроизводящимися механизмами концентрации капитала и квалифицированных кадров.

Простые финансовые вливания в рамках политики «выравнивания» способны лишь

временно сгладить наиболее острые социальные проблемы, но не решают их в корне. Необходим фундаментальный сдвиг парадигмы региональной политики — от пассивной поддержки к активному стимулированию внутреннего развития. Это подразумевает создание реальных экономических стимулов для диверсификации, развитие инфраструктуры, связывающей пространство, и, что самое главное, инвестиции в человеческий капитал на всей территории страны. Без создания достойных условий жизни и самореализации за пределами крупных агломераций Россия рискует столкнуться с дальнейшим демографическим опустошением огромных территорий, что является прямой угрозой её национальной безопасности.

Литература и Интернет-источники

1. **Минакир, П.А.** Российское экономическое пространство: стратегические тупики / П.А. Минакир // Экономика региона. — 2019. — Т. 15. — № 4. — С. 967–980. DOI: 10.17059 / 2019-4-1; EDN: YPKOUK
2. **Дохолян, С.В.** Механизм устойчивого социально-экономического развития проблемных регионов / С.В. Дохолян // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2022. — № 9(143). — С. 27–35. DOI: 10.26726 / 1812-7096-2022-9-27-35; EDN: UIUXWO
3. **Бобков, В.Н.** Неустойчивая занятость — глобальная проблема современности: как снизить ее масштабы в России? / В.Н. Бобков, Е.В. Одинцова, В.В. Коваленко // Проблемы прогнозирования. — 2020. — № 3(180). — С. 93–100. EDN: MAHOFW
4. **Минаков, А.В.** Модель оценки долгосрочной финансовой устойчивости регионов России / А.В. Минаков, Т.Н. Агапова // Вестник Московского университета МБД России. — 2022. — № 3. — С. 344–351. DOI: 10.24412 / 2073-0454-2022-3-344-351; EDN: TLGSKI
5. **Гранберг, А.Г.** Стратегия территориального социально-экономического развития России: от идеи к реализации / А.Г. Гранберг // Вопросы экономики. — 2001. — № 9. — С. 9–15. EDN: MZYTKH
6. **Рязанцев, С.В.** Трудовая миграция в Россию: мифы и контраргументы / С.В. Рязанцев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. — 2018. — Т. 26. — № 4. — С. 718–729. DOI: 10.22363 / 2313-2329-2018-26-4-718-729; EDN: ZAQDFR
7. **Лавровский, Б.Л.** Особенности государственного управления пространственным развитием России / Б.Л. Лавровский, Е.А. Горюшкина // Вестник Российской академии наук. — 2017. — Т. 87. — № 8. — С. 725–733. DOI: 10.7868 / S0869587317080060; EDN: ZBBDL
8. **Дохолян, С.В.** Обеспечение эффективности функционирования продовольственного рынка региона в условиях конкурентной среды / С.В. Дохолян, М.Л. Вартанова // Российское предпринимательство. — 2016. — Т. 17. — № 17. — С. 2153–2178. DOI: 10.18334 / rp.17.17.36538; EDN: WLYYKN
9. **Дохолян, С.В.** Региональный подход к реализации концепции устойчивого социально-экономического развития / С.В. Дохолян // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2022. — № 8 (142). — С. 50–56. DOI: 10.26726 / 1812-7096-2022-8-50-56; EDN: LJTGSK

10. **Лексин, В.Н.** Дороги, которые не мы выбираем (о правительственной «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года») / В.Н. Лексин // Российский экономический журнал. — 2019. — № 3. — С. 3–24. DOI: 10.33983 / 0130-9757-2019-3-3-2; EDN: ZCPKNS
11. **Андреева Е.И.** Эффективность региональных политик социальной поддержки населения / Е.И. Андреева, Д.Г. Бычков, О.А. Феоктистова // Проблемы прогнозирования. — 2021. — № 5 (188). — С. 101–110. DOI: 10.47711 / 0868-6351-188-101-110; EDN: BDGVWQ
12. **Орешин, В.П.** Методология стратегического планирования экономики / В.П. Орешин // Труд и социальные отношения. — 2020. — Т. 31. — № 2. — С. 5–14. DOI: 10.20410 / 2073-7815-2020-31-2-5-14; EDN: ZFSUVI
13. **Плисецкий, Е.Л.** Трансформация экономического пространства России в контексте новой региональной политики / Е.Л. Плисецкий // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. — 2023. — № 4(76). — Статья № 33. EDN: KDMNSV
14. **Акбердина, В.В.** Региональные аспекты индустриального развития: обзор подходов к формированию приоритетов и механизмов регулирования / В.В. Акбердина, О.А. Романова // Экономика региона. — 2021. — Т. 17. — № 3. — С. 714–736. DOI: 10.17059 / ekon.reg.2021-3-1; EDN: MPMMTQ
15. **Аганбегян, А.Г.** Россия: от стагнации к устойчивому социально-экономическому росту / А.Г. Аганбегян // Научные труды Вольного экономического общества России. — 2022. — Т. 237. — № 5. — С. 310–362. DOI: 10.38197 / 2072-2060-2022-237-5-310-362; EDN: SLPFNB

Сведения об авторах:

Дохолян Сергей Владимирович, д.э.н, проф., главный научный сотрудник, зав. лабораторией, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: sergsvd@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4609-448X; РИНЦ SPIN-код: 6492–9940.

Вершинина Мария Александровна, научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: marieversh@gmail.com; ORCID: 0000-0002-5703-0775; РИНЦ SPIN-код: 3616–6221.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-117-128

THE IMPACT OF «SPATIAL COMPRESSION» ON LIVING STANDARDS: ANALYSIS OF REGIONAL DISPARITIES

Sergey V. Dokholyan*, Maria A. Vershinina

ISESP FCTAS RAS

(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

*E-mail: sergsvd@mail.ru

For citation:

Dokholyan S. V., Vershinina M. A. The impact of «spatial compression» on living standards: analysis of regional disparities. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 4. P. 117-128. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-117-128 (in Russ.)

Abstract. The article examines the phenomenon of «spatial compression» and its impact on regional disparities in the living standards of the population of Russia. The problem of increasing regional differentiation of the living standards is one of the most acute challenges for modern Russia. The phenomenon of «spatial compression», instead of equalizing opportunities, paradoxically increases polarization, concentrating capital and resources in several agglomerations. This leads to stagnation

of the national standards of living and poses threats to the social stability and unity of the country. The purpose of the study is to conduct a comprehensive analysis of the depth and identify the key factors of regional disparities in the living standards of the Russian population for the period 2014–2024, as well as to test the hypothesis that the main contribution to this inequality is made by decline of the economies of the peripheral territories. The study uses an integrated approach combining general scientific principles with specific statistical methods. In particular, a systematic approach, methods of comparative and statistical analysis, and the Case Study method. Cluster analysis (*k*-means method) was applied, and econometric modeling (multiple regression on panel data) was performed. Results: The conducted research confirms that the «spatial compression» in Russian conditions leads to a deepening of the socio-economic inequality. Overcoming the negative trends requires transition to a new, more balanced model of spatial development, focused on unlocking the internal potential of each region and creating equal opportunities for all citizens of the country. The existing model of spatial development has exhausted itself. It is necessary to move from the policy of «equalization» to a strategy of stimulating the internal potential of regions based on «smart specialization» and infrastructure development to ensure a balanced and sustainable growth throughout the country.

Keywords: regional differentiation, standards of living, spatial compression, polarization of space, regional disparities, peripheral territories.

References and Internet sources

1. Minakir P. A. Rossiyskoye ekonomicheskoye prostranstvo: strategicheskiye tupiki [Russian economic space: strategic impasses]. *Ekonomika regiona [Economy of Regions]*. 2019. Vol. 15. No. 4. P. 967–980. DOI: 10.17059/2019-4-1 (in Russ.)
2. Dokholyan S. V. Mekhanizm ustoychivogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya problemnykh regionov [Mechanism of sustainable socio-economic development of problem regions]. *Regional'nyye problemy preobrazovaniya ekonomiki [Regional Problems of Economic Transformation]*. 2022. No. 9(143). P. 27–35. DOI: 10.26726/1812-7096-2022-9-27-35 (in Russ.)
3. Bobkov V. N., Odintsova E. V., Kovalenko V. V. Neustoychivaya zanyatost' — global'naya problema sovremenosti: kak snizit' yeye masshtaby v Rossii? [Precarious employment is a global problem of modernity: how can its scale be reduced in Russia?]. *Problemy prognozirovaniya [Studies on Russian Economic Development]*. 2020. No. 3(180). P. 93–100. (in Russ.)
4. Minakov A. V., Agapova T. N. Model' otsenki dolgosrochnoy finansovoy ustoychivosti regionov Rossii [Model of assessment of the long-term financial stability of Russian regions]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*. 2022. No. 3. P. 344–351. DOI: 10.24412/2073-0454-2022-3-344-351 (in Russ.)
5. Granberg A. G. Strategiya territorial'nogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii: ot idei k realizatsii [Strategy of territorial socio-economic development of Russia: from idea to implementation]. *Voprosy ekonomiki [Issues of Economics]*. 2001. No. 9. P. 9–15. (in Russ.)
6. Ryazantsev S. V. Trudovaya migratsiya v Rossiyu: mify i kontrargumenty [Labor migration to Russia: myths and counterarguments]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Ekonomika [RUDN Journal of Economics]*. 2018. Vol. 26. No. 4. P. 718–729. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-4-718-729 (in Russ.)
7. Lavrovsky B. L., Goryushkina E. A. Osobennosti gosudarstvennogo upravleniya prostranstvennym razvitiyem Rossii [Characteristic features of government control over Russia's spatial development]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk [Herald of the Russian Academy of Sciences]*. 2017. Vol. 87. No. 8. P. 725–733. DOI: 10.7868/50869587317080060 (in Russ.)
8. Dokholyan S. V., Vartanova M. L. Obespecheniye effektivnosti funktsionirovaniya proizvodstvennogo rynka regiona v usloviyakh konkurentnoy sredy [Ensuring of an efficient functioning of the food market in the conditions of a competitive environment].

- Rossiyskoye predprinimatel'stvo [Russian Entrepreneurship]. 2016. Vol. 17. No. 17. P. 2153–2178. DOI: 10.18334/rp.17.17.36538 (in Russ.)
9. Dokholyan S. V. Regional'nyy podkhod k realizatsii kontseptsii ustoychivogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya [Regional approach to implementation of the concept of sustainable socio-economic development]. Regional'nyye problemy preobrazovaniya ekonomiki [Regional Problems of Economic Transformation]. 2022. No. 8(142). P. 50–56. DOI: 10.26726/1812-7096-2022-8-50-56 (in Russ.)
  10. Leksin V. N. Dorogi, kotoryye ne my vybirayem (o pravitel'svennoy «Strategii prostranstvennogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda») [The roads that we do not choose (on the government «Strategy of Spatial Development of the Russian Federation for the period up to 2025»)]. Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal [Russian Economic Journal]. 2019. No. 3. P. 3–24. DOI: 10.33983/0130-9757-2019-3-3-3-2 (in Russ.)
  11. Andreeva E. I., Bychkov D. G., Feoktistova O. A. Effektivnost' regional'nykh politik sotsial'noy podderzhki naseleniya [Efficiency of regional social assistance policies]. Problemy prognozirovaniya [Studies on Russian Economic Development]. 2021. No. 5 (188). P. 101–110. DOI: 10.47711/0868-6351-188-101-110 (in Russ.)
  12. Oreshin V. P. Metodologiya strategicheskogo planirovaniya ekonomiki [The methodology of strategic economic planning]. Trud i sotsial'nyye otnosheniya [Labor and Social Relations]. 2020. Vol. 31. No. 2. P. 5–14. DOI: 10.20410/2073-7815-2020-31-2-5-14 (in Russ.)
  13. Plisetsky E. L. Transformatsiya ekonomicheskogo prostranstva Rossii v kontekste novoy regional'noy politiki [Transformation of Russian economic space in the context of a new regional policy]. Regional'naya ekonomika i upravleniye: elektronnyy nauchnyy zhurnal [Regional Economics and Management]. Electronic scientific journal. 2023. No. 4 (76). Art. 33. (in Russ.)
  14. Akberdina V. V., Romanova O. A. Regional'nyye aspekty industrial'nogo razvitiya: obzor podkhodov k formirovaniyu prioritetov i mekhanizmov regulirovaniya [Regional industrial development: review of approaches to regulation and determining of priorities]. Ekonomika regiona [Economy of Regions]. 2021. Vol. 17. No. 3. P. 714–736. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-3-1 (in Russ.)
  15. Aganbegyan A. G. Rossiya: ot stagnatsii k ustoychivomu sotsial'no-ekonomicheskomu rostu [Russia: from stagnation to sustainable socio-economic growth]. Nauchnyye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii [Scientific Papers of the Free Economic Society of Russia]. 2022. Vol. 237. No. 5. P. 310–362. DOI: 10.38197/2072-2060-2022-237-5-310-362 (in Russ.)

Information about authors:

Dokholyan Sergey Vladimirovich, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Head of Laboratory, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: sergsvd@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4609-448X; Elibrary SPIN-code: 6492–9940.

Vershinina Maria Alexandrovna, Researcher, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: marieversh@gmail.com; ORCID: 0000-0002-5703-0775; Elibrary SPIN-code: 3616–6221.

Статья поступила в редакцию 15.08.2025, утверждена 10.11.2025, опубликована 30.12.2025.